

Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение^[1]

Над темой номера
работал

Андрей
ТРЕЙВИШ^[2]

Мириады возвратных движений

Пространственная, она же горизонтальная – в отличие, но не в полном отрыве от социо-вертикальной, мобильность населения типизируется по ряду оснований^[3].

- По времени и радикальности она делится на **безвозвратную** (переселенческую миграцию) и **возвратную** (оборотную, нередко регулярно-ритмическую).
- По территории, для ее ячеек, от материков до муниципалитетов, это мобильность **внешняя** и **внутренняя**: *межрайонная, межселенная, порой даже внутриселенная.*
- По направлению, маршруту: **отточная** и **приточная** (иммиграция и эмиграция), **встречная, круговая, ступенчатая** (каскадно-замещающая: так, людей, уехавших в большой город из малого, заменяют сельские мигранты).
- По мотиву: **экономическая** (трудовая, потребительская), **социальная** (учебная, лечебная, семейная), **экологическая, культурная, политическая** с их разновидностями (например, воинская, стрессовая беженская и др.).
- **Порегуляции**: массово **организованная**, вплоть до принудительной, и **неорганизованная**, стихийно-индивидуальная.

Вид потока характеризуется сочетанием признаков. Так, миграции комьютеров относятся к ежедневно возвратным, межселенным и недалгим (пригородным). Они бывают встречными, но с дисбалансом в пользу главных центров занятости, образования, и не требуют особых усилий работодателя при наличии дорог и нормального транспорта. Рекреационно-туристическая

мобильность имеет разную, порой большую протяженность во времени и пространстве, другие (сезонные, недельные) ритмы, мотивы (включая социо-культурные, медико-экологические); она чаще бывает центробежной, хотя не исключает и центростремительности.

Есть основания полагать, что возвратные движения в целом мощнее, разнороднее и неформальнее безвозвратных. В другие страны переселяются до 250 млн землян в год, что близко к числу актов миграции: сменить ряд стран за этот срок непросто. А только международных туристических поездок – более 1 миллиарда. Учет туристов внутри стран неполон; косвенные оценки дают в сумме по миру до 5 млрд. Туризм часто трактуют расширительно, но многие движения к нему не сводятся.

Дачи и дачники

Рассмотрим те движения, что связаны со **вторым дачным жильем**. Как некий компромисс движения с покоем, оно сужает географию движения, стимулируя его частоту. Если принять нашу оценку мировой численности членов семей, имеющих такую недвижимость (205 млн. без арендаторов и тех, кто ездит за город к родным, знакомым для отдыха и помощи в хозяйстве, посылает туда детей на каникулы), и допустить, что ее посещают, скажем, шесть раз в год, то число поездок превысит поток международных туристических.

Сколько где дачников, вообще-то неизвестно. На рис. 1 их число грубо оценено по макрорегионам мира через страны, где данные хотя бы чуть надежнее, по аналогии распространенным на ближние и подобные. Хотя ошибки вероятны, несомненным лидером еще не так давно был СССР, а теперь Россия, где только садовых участков – 14 млн. (с учетом среднего коэффициента семейности получается около 40 млн. человек), тогда как всех вторых домов, например, в США – 5 млн. (12,5 млн. человек). А вот «дачеведение» в России развито слабо. Чтобы вникнуть в явление, ставшее одним из социальных брендов страны, нужно знать его формы и факторы.

Рисунок 1. Число дачников (млн) и их доля среди горожан по регионам мира (%), оценочно

Что такое дача, кто такой дачник? Ответ: городской владелец и/или пользователь загородной, временно (например, сезонно) посещаемой недвижимости (дома, участка), используемой не только как жилье и не только (не столько) для извлечения дохода. В отечественных дефинициях принято уточнять функции дач и занятия дачников. Обычно называют отдых и подсобное земледелие, хотя это не всё. Дачник – еще и носитель неких взглядов, ценностей, установок, особой философии.

На Западе есть близкие категории и целая «дачная наука». В романских странах она тяготеет к рекреационной тематике, в англо-саксонских – к анализу второй недвижимости, обычно рекреационно-дачной. Кстати, в Британии и США вторым домом не считается сданный внаем (он для кого-то первый), временно пустующий в ходе перепродажи и т.п. Исключаются дома-трейлеры, клубные владения и вообще не домохозяйства.

Дву-, три- и многодомность знакома разным традиционным культурам, кочевым и оседлым. Вспомним о горных и долинных пристанищах (шалле, сетерах, кутанах) пастухов и косарей при отгонном и близком к нему хозяйстве. Многие финно-угры, потом славяне летом жили в больших, даже укрепленных селениях у рек, обрабатывая землю, а зимой – в рассеянных по лесам (за 300-500 км) охотничьих заимках. Сахалинские нивхи летний дом ставили у кромки моря, где ловили рыбу, а зимний – в укрытой от ветра тайге. Эти схемы лишены рекреационной компоненты и двудомны по-своему: для до- и внегородской эпохи и среды. Позже к ним прибегали европейские колонисты в жарких странах. Семьи южан-плантаторов в США пережидали влажный зной муссонного лета на лесистых склонах Аппалачей, оставляя плантации и рабов управляющим. Летней столицей Британской Индии называли Шимлу, куда (в отроги Гималаев) из Дели уезжали чиновники. Правда, вопреки среднеиюньским 33,5°C Дели – уже 11-миллионный мегаполис, а Шимла – город-курорт со 170 тысячами постоянных жителей. Но вообще-то урбанизация, как заметил однажды В.И. Переведенцев, невыносима без рекреации.

Это знали еще римские патриции, чьи летние виллы тянулись по берегам, особенно тирренскому у Остии и Неаполя^[4]. При всей страсти римлян к неге досуга (лат. *otium*, антон. *negotium* – дела), они не сводили к ней функции своих дач и могли уехать из суетной жаркой столицы в латифундию, на ферму, дабы заодно следить за работами. Столетия спустя так поступали помещики во многих странах Европы, не считая тех времен, когда рента сводилась к дани, которую собирали зимой (полюдьё на Руси).

Итак, дача – явление всемирно-историческое. Тут и сады отставных китайских чиновников, составившие славу городу Сучжоу, и дачи ссыльных русских декабристов. Зачем они строили в сибирской деревне дом, а рядом – вроде бы лишнюю там дачу? Явно по привычке к летней перемене мест, дачному бытию и общению. Сообщившая этот факт В.В. Шумилова^[5] заключает, что дача у нас – не просто второй дом. Это символ: в XVIII в. – благоволения власти, в XIX – среднего класса, после 1917 г. – буржуазности (как пережиток), но затем – новой элитарности.

С середины XX века дача как собирательное понятие становится в СССР массовой, причем на первый план в условиях продовольственного дефицита выходит ее подсобно-аграрная роль. Ее и передает не единственный, но самый известный в постсоветском мире монумент на данную тему (рис. 2).

Рисунок 2. Памятник дачникам у железнодорожного вокзала в Бердянске (Украина)

И снова: кто же такой дачник? Горожанин, временный селянин? Дауншифтер, как нечто промежуточное между карьеристом и пофигистом? Работяга или лодырь? Местный или чужак в деревне, малом городе, пригороде? Странник или домосед? Что вообще тянет его к этой раздвоенной жизни? Вместе с теми факторами-аттракторами, которые принято называть объективными, на массовость и поведение дачников влияют традиции, явные и неявные установки.

"Философия" дачной жизни

Автор может лишь поставить вопрос о мировоззрении, ценностях, психологии и менталитете дачника. Чем он отличается от таковых у закоренелого горожанина и у сельского жителя, а шире – от философии оседлости и странничества, отшельничества и открытости миру? Налицо общечеловеческая суть дачного бытия и мышления, хотя их культурное многообразие не менее очевидно.

Анализ дачных ценностей можно вести по тем мотивам владения вторым временно обитаемым домом, что выявляют опросами при переписях жилья на Западе, но вполне универсальным (рис. 3). Они суть следующие:

1. Рекреационно-экологические, сопряженные с соответствующими качествами внегородской среды или только с представлениями о ней.
2. Инвестиционные, хотя и не сводимые к дачной недвижимости (зато она доступна массе россиян благодаря многообразию ее классов и видов).
3. Пенсионные, рассчитанные на смену места и образа жизни в преклонные годы (с учетом интересов и потребностей наследников).
4. Своего рода остаточные, включая наследно-ностальгические, когда дача, хотя бы и редко используемая, – это былой отчий дом, малая родина.
5. Трудовые, связанные с ведением прежних занятий в иной среде либо с их сменой (аграрное, промышленное подспорье и др.), нередко в сочетании с мотивом №1.

Рисунок 3. Мотивы владельцев вторых жилищ, % к сумме указанных причин (респондент мог назвать несколько позиций) по данным English Housing Survey. Household report 2008–09 London: Department for Communities and Local Government Publications, 2010.

https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/6695/1750765.pdf

Рассмотрим основные дачные резоны по порядку. Среди прочего для нас важна их национальная и местная специфика, связь с удаленностью (близостью) дач.

Резон 1. Отдых, оздоровление, развлечения (отвлечения от городских ритмов, дел и т.п.). Удовлетворять эти запросы вообще-то можно разных местах, в том числе без отрыва от города и ПМЖ. Мэтр французской географии П. Клаваль [6] писал: дачи антиэкологичны, асоциальны, да и не нужны. Раньше людей привлекал отдых и спорт на природе, а теперь в городах есть бассейны, спортзалы, фитнес-центры, тренажеры. И делал вывод: дача – архаичная роскошь для богачей. Однако в России это и неверно, и не разделяется миллионами дачников. Беседы с ними порой подводят к парадоксу. Однажды пришлось услышать, что дача далеко, инфраструктура слаба, осваивать участок и строить дом тяжело, леса рядом нет, купание не лучшее... Но на вопрос «Так зачем?» последовал ответ «Что вы, зато какой воздух!».

Резон 2. Инвестиция. В ряде стран, включая нашу, дачи доступны разным слоям и кошелькам благодаря их разнообразию: от пригородного замка до дальнего сарая, все равно именуемого фазендой, виллой или бунгалом – в меру фантазии и фанаберии хозяев. Инвестиции домохозяйств не ограничиваются дачной недвижимостью, но она считается сравнительно надежным и перспективным помещением средств; к тому же за ней стоит давняя традиция и «философия». Для одних - это воплощение мечты о моем доме – моей крепости по-английски (рис. 4) У других амбиции скромнее, причем не следует думать, что это следствие только бедности, будь она русской или иноземной. В иных богатых странах есть своя тяга к скромности (рис. 5). Кстати, инвестиционный резон чаще всего сочетается с другими, выводя его в общем зачете на второе место (см. рис. 3).

Рисунок 4. Дачная крепость в Подмоскowie Рисунок 5. Hytte (хижина, лачужка) в Норвегии

Резон 3. Переезд на ПМЖ в будущем: на пенсии, при дауншифтинге, с тем или иным расчетом на детей и внуков, учетом их интересов и вкусов. Идиллии по множеству причин может не получиться, но дачным философам присущи романтизм и надежды на гармонию поколений (рис. 6). Стесненные жилищные и в целом материальные условия в городе стимулируют, ускоряют дачный «уход» и «опрошение» старшей генерации в пользу младших. Тому же способствуют конфликты между ними, когда они признаны и не разрешаются иным путем. В любом случае и почти в любом возрасте дача (как, впрочем, любая недвижимость) становится оплотом жизненной перспективы и некоторой, всегда относительной, независимости.

Рисунок 6. Дачная идиллия: межпоколенческий вариант

Резон 4. Наследно-ностальгический, или «остаточный», когда представителям следующих поколений просто жаль отчего гнезда (т.е. собственной малой родины), даже полузаброшенного, мало, а то и вовсе не используемого, что чревато его разрушением и утратой (рис. 7). Такие

владения, порождаемые процессами урбанизации, миграциями в направлении село-город, могут посещаться хозяевами лишь эпизодически – для надзора, ремонта, в порядке ностальгического туризма (roots tourism) или, пока не поздно и есть спрос, продаваться на вторичном дачном рынке.

Рисунок 7. Руины малой родины: пример бывшей дачи-ностальжи

Резон 5. Трудовой: ведение профессионального дела в иной среде либо его смена для развлечения, приработка, самоснабжения, самореализации, отдыха (тогда этот резон сближается с рекреационным за номером 1). Все возможно в ином месте, но дача обычно предоставляет широкий выбор и потенциал чередования занятий (рис. 8). На этот выбор влияют национальные традиции. Как уже отмечалось, в России велика роль подсобного земледелия, а также лесного собирательства. На Западе они не так популярны, в отличие от охоты и рыбной ловли. Но и там «тяга к земле» людям не чужда, хотя часто реализуется в самом городе (немецкие Kleingarten, канадские и французские jardins communautaires и другие аналоги наших садоводств обычно таковы). В одном телеинтервью хозяин садика под эстакадой нью-йоркской надземки уверял, что способен снабжать себя и соседей свежей зеленью, и сетовал, что в городе запрещены петухи: мол, крик беспокоит жителей, а поезда гремят день и ночь – пожалуйста. Такие сады, по данному вышнему определению, не дачи, но к ним близки. Гордиться же домашними продуктами и заготовками, их реальным и мнимым качеством, чистотой и т.п. готовы представители разных культур.

Рисунок 8. Примеры многообразия дачных занятий

Каждый резон (ценность) в отдельности нетрудно воплотить в другом, не-дачном русле, но вместе они формируют устойчивую дачную модель жизни и «философию». Они носят общечеловеческий характер, однако версий и вариаций так много, а признаки порой так размыты, что их нелегко отделить от смежных явлений и «философий». Этим, да еще обыденностью феномена («лицом к лицу лица не увидать») можно объяснить, но не оправдать дефицит рефлексии и слабость «дачеведения».

Становление "дачеведения"

В XVIII веке тема терялась в усадебных пасторалях, в идеях отшельничества, возврата к природе по Ж.-Ж. Руссо, подхваченных затем в США Р.У. Эмерсоном, Г.Д. Торо. У нас Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин писали, что Москва пустеет летом, а зимой дворяне в нее съезжаются. Но дальше беглых наблюдений дело не шло. Ручеек научных работ с 1960-х годов заструился в Европе, судя по адресам пионеров – французских, британских, хотя тут важна и просто доступность, известность их работ[7].

Франсуаза Крибье, социогеограф, позже геронтолог, заявила о буме вторых жилищ во Франции в 1966 году[8], когда считали, что их 0,3 млн (но это лишь число домов у иностранцев; всех вторых жилищ тогда было втрое, а теперь на порядок больше). Вскоре в книге «Великая летняя миграция горожан во Франции: эссе по рекреационной географии»[9] она отметила, что население большого Парижа убывает в августе на 4 млн. человек. Часть книги посвящалась расселению отпускников у моря, в горах, в субурбиях, в том числе в собственных вторых домах. Далее тему развивали Б. Барбье, К. Терье, Ж.-М. Дзанинетти. Во Франции она всегда тяготела к географии туризма.

В Британии на подходы к ней заметно влияли экономика, социология, культурная антропология недвижимости[10], хотя у истоков тоже стояли географы. Джон Терренс Коппок и Брайан Сноуден Даффилд шли к дачной теме от агрогеографии, анализа отдыха и землепользования в Шотландии. В 1975 году в Англии и США вышла их книга «Рекреация в сельской местности: пространственный анализ»[11]. Дж. Коппок затем издал сборник под названием «Вторые дома: проклятие или благословение?» (1977). Вообще вопрос так ставили нередко («новая жизнь или поцелуй смерти?», «деревни-призраки?», «дома не для местных?»). Время от времени он встает опять, ибо рост вторых жилищ тревожит то экологов, то социологов, то экономистов.

С 1970-х годов второе жилье британцев стало занимать риэлторов, местные власти, диссертантов и дипломников, чему способствовало обилие университетов и локальных работ, в том числе в местах скопления дач (Корнуэлл, восток и север Англии, включая знаменитый Лейк Дистрикт, части Уэльса и Шотландии). Позже появились обзоры литературы. Самые свежие из найденных в Интернете целиком[12] охватывают примерно по 80 источников[13]. Не так много за 30-40 лет, да еще вместе с работами по рынку жилья вообще или по району в целом. В других ветвях социологии, демографии, географии набрались бы тысячи. Вряд ли хоть один крупный научный журнал постоянно пишет о дачах. Трудно назвать и автора, для которого эта тема главная. Тем не менее, в обзорах отмечен явный рост публикаций: в XXI веке их найдено уже больше, чем накопилось за XX век.

В США тематика второго жилья проникла не позже 1970-х годов[14]. Однако научный поток не выявить поиском в Google. Как и по поводу дач в России, всплывают реклама, предложения риэлторов. Авторов и работы из Канады, Австралии, США проще отыскать через европейские библиографии или через международные конференции и сборники[15].

Истоки «втородомных» исследований в других научных школах Старого и Нового Света найти тоже нелегко. А в некоторых странах, судя по скромному личному опыту зарубежных поездок, скромно и явление. Например, дач почти нет в современном Китае (вопреки истории г. Сучжоу) и мало в Японии. Возможно, из-за переуплотнения и особой ценности земли в «рисовых культурах», жестких ограничений на недвижимость частных лиц в КНР. Однако у японцев в 2000-х годов стали популярны

туры на русские дачи в Приморье, о чем сообщали СМИ, начали появляться дачи в самой Японии, возможно под влиянием соседей. А в Европе и переселенческих странах феномен давно налицо. В 2010 году по нему, например, была защищена географическая диссертация в Южной Африке[16].

Россия – страна позднего освоения темы. Ее разработка начиналась до революции и надолго прервалась, хотя большевики подхватили дачную эстафету дворян и разночинцев. Модель двудомной жизни укоренилась в нашем контрастном климате и в образе жизни, дача в СССР обрела черты массового миража: свободы, успеха, частной собственности. Тем парадоксальнее молчание науки, нарушавшееся эпизодически, например, М.О. Хауке[17]. Переход на два выходных дня в 1967 году, как чуть раньше на Западе, вызвал вокруг городов садоводческий бум, но не бум публикаций. Тема входила лишь как попутная в рекреационную географию, урбанистику, планировочные изыскания[18]. Внимание к ней растет, но наше «дачеведение» до сих пор явно неадекватно масштабам дачевладения.

Международные сравнения

При скромном объеме национальных изысканий трудно рассчитывать на успешный кросс-анализ вплоть до всемирной типологии вторых жилищ, ведь типология вырастает из множественных сравнений. Пока и попарное сравнение встречается нечасто: Норвегия и США[19], Франция и Россия[20], хотя возникает само собой, когда о стране пишет зарубежный автор[21]. Сравнения могут отсутствовать или сводиться к минимуму даже в международных сборниках, где отдельные статьи порой связаны слабо, давая лишь панораму явления и его анализа под некоторым углом зрения, без обмена идеями и критикой. Это чревато как недооценкой, так и переоценкой роли вторых домов, их национальной специфики, что вкупе с информационными и другими проблемами затрудняет выработку общих подходов к ним и адекватных приемов анализа.

Таких сборников немало[22]. Последний по времени[23] о «втородомном туризме» в Европе включает 12 статей 22 авторов о 10 странах. Есть в нем статья о России[24], но из постсоциалистических стран только о ней. Что совсем странно, нет статьи о Германии, хотя найти авторов с материалом можно[25]. Венчает книгу развернутое заключение-эссе французского классика П. Клаваля (pp. 309-326), уже упомянутого в роли критика дач. Оно содержит очерк истории второго дома в Европе, его связей с идеалами и географическими представлениями. Он выделяет два факта, о которых пишут все: 1) трудность оценки числа вторых домов и их размещения в Европе и, тем не менее, 2) их ускоренный рост за последние 20-30 лет. И напоследок утверждает: «туризм второго дома» стал таким важным сектором, что ему уже нельзя позволить развиваться свободно; это источник новых форм социальной депривации; он создает экономику, чувствительную к колебаниям; портит ландшафты и давит на природную среду. Впрочем, отмечены и позитивные эффекты, на которые обращают внимание другие авторы: рост местных рынков и налоговой базы, частичное возмещение растроченного человеческого капитала, его качественное улучшение[26].

Эссе Клаваля отчасти компенсирует нехватку компаративистики и обобщений. Тем не менее, многие важные вопросы остались открытыми, барьеры – непреодоленными. Они начинаются с определения второго дома, его отделения от первого (главного), отношения к смежным понятиям. Наряду с избытком типов и названий это затрудняет его выделение для научных и прикладных целей.

Редактор книги З. Рока во введении к тому же сборнику (pp. xix-xxv) привел 16 терминов из него. Но их еще больше. Второй дом бывает сезонным, летним, отпускным, выходным, рекреационным, досуговым, пляжным, загородным (vacation, holiday, weekend, leisure, beach house, Landsitz, casa de campo). Есть слова-эндемики и космополиты: *дача* у нас и в ряде других языков; финские *mokki*, *kesamokki* (июньский домик) и *huvila* (вилла); коттедж,

хибара (cabin), особняк (mansion), бунгало, уикэндер в англоговорящих странах, *chateau* и т.д. По-разному называют или не зовут никак мобильность, связанную с этим домом. Так, у нас нет термина для того вида туризма, который в ряде языков звучит как резидентный (residential) или трактуется как миграция со сменой образа жизни (lifestyle migration). Оба подходят к русской дачной практике, хотя у нас она – не совсем туризм или даже совсем не он. И не миграция.

Определения, статистика, оценки

Не ставя задачу уточнения всей этой пестрой терминологии, попробуем прояснить соотношение категории второго жилья и его «родственников», способы их учета. Иначе не понять, что стоит за часто приводимыми в литературе цифрами, насколько они полны и сопоставимы.

Британский опыт освещен в обзоре[27]. Приведены основные типы дефиниций: научных, статистических, принятых властями для налогообложения. Их все сближает трактовка второго дома как не главного, занимаемого собственником, его семейством не постоянно, а, например, на время отдыха, досуга. Разночтения связаны с жильем, снятым и сданным внаем, выставленным на продажу, расположенным в том же поселении (ближе к месту работы) и др. Аналитики отделяют второй дом от курортного, из которого владелец лишь извлекает доход, и некоторых других домовладений. В то же время именно он является собирательным для прочих, от пляжного домика до загородного замка[28].

У англичан (именно жителей Англии, без Шотландии и Уэльса) вторых домов 650 тысяч по данным обследования жилья с выборкой 15-20 тысяч владений на 2008-2009 годы[29]. Их гораздо меньше, чем домохозяйств, имеющих нескольких домов (1,8 млн.). Дело в том, что в 69% случаев дома эти первые, снятые для постоянного проживания, еще 10% временно пустуют из-за перепродажи или куплены для полувзрослого отпрыска на время его учебы. Остается 651 тыс. (2,9%) вторых, по-нашему дачных домов. Но в стране их 276 тыс., а 375 тыс. находятся вне ее, где-то во Франции, в Испании[30]. В Англии – 240 тыс., 1% жилищ. Данных об их иностранных владельцах нет, и англичане выглядят дачными «нетто-импортерами». Они признают, что по дачам – далеко не лидеры, хотя некоторые авторы[31] считают оценки заниженными из-за более строгих критериев, чем в других странах.

Они и впрямь разные. Так, Национальный институт статистики Франции (INSEE) числит дом вторым, если он обитаем до 5 месяцев в году, но других жестких требований не выдвигает. И они вряд ли объясняют разрыв в оценках. В том же 2008 году во Франции числилось свыше 3 млн «ваканионных» и нерегулярно обитаемых домов, около 10% всех жилищ. Кстати, в обеих странах второго жилья немало даже в Лондоне и Париже, их самых престижных районах. Часть, возможно, относится к типу *ried-a-terre*, второго дома в городе. Часть – новые *hotel particulier*, городские особняки французских аристократов, чаще обитавших в своих поместьях. А нынешние далеко не бедные люди ищут налоговых льгот на второй дом, называя таковым более дорогой столичный.

В США вторые дома – забота Бюро переписей, выявляющего их более полвека. В 1950 году, когда учитывались обитаемые сезонно, было более миллиона (2,3% всего жилья), а в 2010 году домов сезонно-рекреационного назначения и нерегулярно обитаемых стало 4,65 млн (3,5%). Как и в Англии, здесь не считают вторым дом, временно пустующий из-за смены постоянного собственника или арендатора, их переезда. При американском объеме рынка жилья таких примерно 8 млн. Можно добавить те дома, которые владельцу трудно оценить как вторые или первые: до 2 млн[32]. Но даже с ними доля вторых домов составит лишь 5%.

На этом фоне дачная Россия – просто гигант. Ведь только садоводческих участков, коллективных или индивидуальных (ставших таковыми в ходе постсоветского распада кооперативов), которые подлежат регулярному учету наряду с приусадебными и отдельно регистрируемыми огородами, у

нас 14 млн. Кроме того, на части огородов (их до 3 млн.) в пику правилам стоят не просто будки для инвентаря, а летние домики. Плюс классические старосоветские дачи и новорусские виллы «на природе», на курортах дома и за рубежом, унаследованные или купленные жителями больших городов в деревнях и городках и посещаемые в дачном режиме. А вот сведений о них нет. Учет жилья вообще, а второго особенно, у нас вообще поставлен плохо.

Положим, что вторых владений, кроме садовых, 3-6 млн. Тогда всего будет 17-20 млн. Это не менее 1/3 домохозяйств и до ? городских. Цифры условны, но в любом случае на порядок выше, чем в странах, о которых шла речь. Россия (как ранее СССР) претендует на звание чемпиона мира в абсолютном и относительном зачетах. Соперница во втором измерении – Финляндия, где к 2012 году значилось 493 тыс. дач-токки, а 170 тыс. сельских домов формально пустовали, но на 70% были обжиты как вторые. Вместе это около ? всех домовладений и 2/5 семей. По финской оценке, дача доступна даже каждой второй семье, учитывая пользование ею друзьями и родственниками. Не очень отстает и Португалия с ее 1,1 млн вторых домов по переписи жилья 2011 года, что соответствует трети семей. А вот у норвежцев вторых домов – максимум 450 тыс. на 2,2 млн домохозяйств[33]. Но по массе второго жилья им всем до нас далеко.

Районы распространения вторых жилищ

Места и ландшафты, где повышена абсолютная и/или относительная концентрация вторых домов, неодинаковы, что связано с разным генезисом, предназначением, режимом посещения домов и участков. Ниже представлен набросок типологии дачных ареалов на базе их европейского спектра[34], достаточно широкого, чтобы быть, по мнению автора, универсальным.

Первый, рурально-периферийный тип рождает депопуляция, оставляющая дома их городским наследникам и покупателям. Обнимая широкие зоны старого аграрного освоения, тип бывает почти повсеместным, но дачи рассеяны, как на Севере Европы (в нашем Нечерноземье, в Финляндии). Велика доля вторых домов в жилфонде, но не их плотность на территории. Скопления возникают в более доступных местах с живописной природой. Аграрное перенаселение юга препятствует «дачизации», но и туда проникает этот тип. Так, в Португалии доля вторых домов выше в горах, покидавшихся крестьянами, чем на урбанизированном морском побережье, куда они переселялись и где дач вообще-то больше (рис. 9).

Второй тип – курортный, характерный как раз для приморских и горных мест с рекреационно-туристическим имиджем, в том числе урбанизированных. Конечно, при их переуплотнении дачи может вытеснять иная застройка и объекты: прибыльные санатории, отели, рестораны, инфраструктура развлечений[35]. На курортах и в их дачном поясе высока как плотность, так и удельный вес вторых домов в составе жилья. Это видно на картах вторых домов во Франции, где давно выделялись курорты Средиземноморья и побережья Атлантики, к которым добавились Корсика, Альпы, Пиренеи. В стране представлены и другие типы. Примерами экспансии первого периферийного типа служит уплотнение второго жилья в Центральном Массиве («французской пустыне»), во внутренних районах Бретани, в Нормандии. Есть во Франции и мощные ареалы третьего типа, характерного для субурбий.

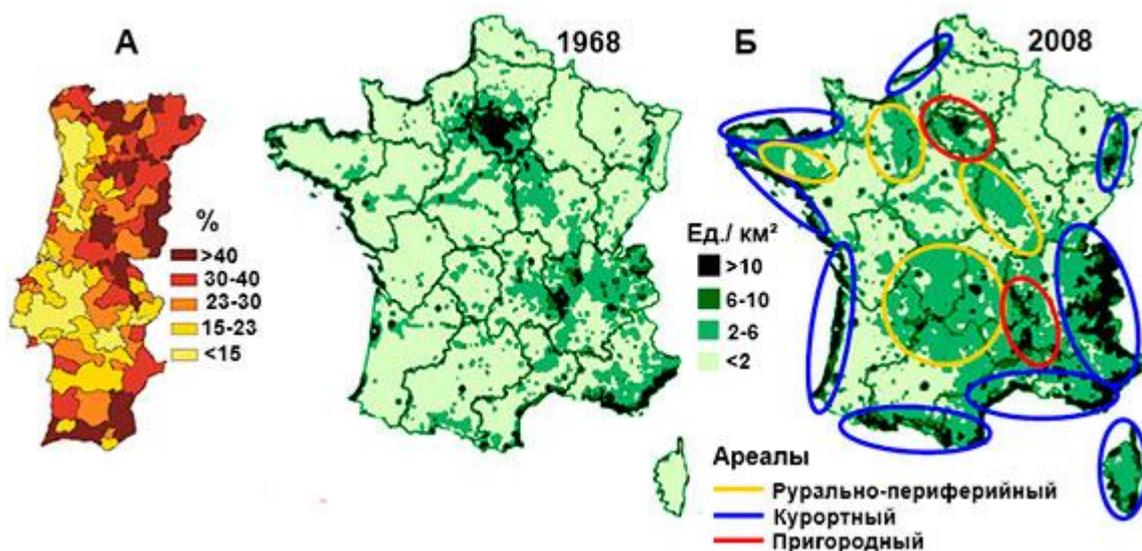

Рисунок 9. Доля вторых домов в Португалии в 2001 г. (А), динамика их плотности и современные типы дачных ареалов во Франции (Б)

Источник: Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013, pp. 145,260

Пригородный тип выделяется по числу вторых домов, хотя оно может меняться в ходе развития, при его невысокой доле, поскольку речь идет об ареалах концентрации постоянного населения и основного жилья. Как и в случае с курортным типом, городская застройка, инфраструктуры и т.д. приводят к вытеснению дачных массивов из ближайших к ядру субурбий. А вот куда, в следующую зону удаленности или за рамки агломераций, в местности, относящиеся уже к другим типам, заранее неясно. Действуют разные факторы: политика властей, фаза экономического цикла, цены на недвижимость и перевозки. Автобаны, скоростные поезда, дешевые авиарейсы стирают различия в доступности стран и регионов, расширяя рынки туристических услуг и второго жилья. Однако кризисы осложняют содержание последнего.

Три названных типа можно считать главными, хотя география вторых жилищ ими не ограничена. Легко представить другие типы, такие как исторические, запечатлевшие опыт и вкус прежних поколений. Примером служит средняя Луара с ее знаменитыми замками. В XIX веке она стала излюбленной зоной вторых домов парижских буржуа, унаследовавших тягу к «феодальной долине». Ее трудно без колебаний отнести и к пригородному типу (до Парижа сотня километров), и к сельско-глубинному; скорее это переход между ними или их сочетание. Подобные случаи нередки, что делает типологию таких мест, как берега Финского залива у Петербурга или Бургундия. Как и местности с самой живописной природой, их можно считать подтипами, которые дифференцируют ландшафты главных типов.

Использованное в типологии соотношение густоты и доли дач «работает» и вне Европы. В США разница районов по этим признакам тоже велика. По доле (10-16%) выделялись такие штаты Новой Англии, как Мэн, Вермонт, Нью-Хэмпшир. А лидерами по обилию вторых домов были Флорида, Калифорния, Нью-Йорк [36]. При средней по стране доле 3-10%, отдельные места, где она достигает 40-50%, можно назвать именно дачными. Встречаются и такие, чаще всего из числа рурально-периферийных, где вторые дома резко преобладают.

Будущее вторых жилищ стало предметом научных дискуссий. С одной стороны, обычно констатируют их рост и географическое расширение. Но есть и были скептики и критики. Тот же Поль Клаваль связал идею втородомья с утопией города-сада Эбенезера Ховарда, города широких горизонтов (Broadacre City) Фрэнка Ллойда Райта, а по сути – с пригородным типом, где разница между первым и вторым домом часто стерта. Натуралистические утопии XIX-XX веков, пишет Клаваль, отмирают, зато в обществе потребления по-прежнему цветет неравенство, в том числе дачное: при малом достатке дом и земля недоступны. Обостряются экологические проблемы, в которые вносят свою лепту туристы и дачники. Отсюда вывод для политики: дачную экспансию нужно жестче контролировать, даже всячески сдерживать.

В науке нельзя без разномыслия, включая споры об ее собственной судьбе. Какова же судьба того сравнительно молодого направления, которое по-русски для краткости можно называть дачеведением? Оно существует и растет не как устоявшаяся дисциплина, но на стыке общественных и естественных наук, их разных отраслей: истории, географии, демографии, социологии, экологии, экономики, архитектуры и др. Поток публикаций у нас и за рубежом дробится поэтому на рукава, и за ним трудно следить. Но неполного знакомства хватает, чтобы признать российское отставание. А ведь мы должны были бы стать мировыми лидерами, учитывая социальный и пространственный масштаб самого феномена, значение дач в жизни страны и в личной жизни ее граждан. Он рос и менялся буквально на наших глазах, часто с нашим прямым практическим участием.

Впрочем, это не редкость и не парадокс. Примелькавшийся, знакомый объект не замечают, пока внимание к нему не стало традицией. Все равно обидно, что мы не видим собственного носа при том, что за дачами стоит крупный рынок и масса информации прикладного свойства – рекламной, риэлторской, строительно-ремонтной.

А должны быть еще и массовые опросы (недорогие, однако без них не уточнить даже размеры явления, обойденного статистикой), капитальные монографии, карты, справочники, монографии. Они должны появиться и уже появляются в России.

[1] Работа выполнена по проекту Российского научного фонда Института географии РАН № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

[2] Трейвиш Андрей Ильич - д.г.н., главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.

[3] Использованы некоторые фотографии из Интернета, каждую из которых можно найти на нескольких разных сайтах, что затрудняет точную отсылку.

[4] Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Burlington, USA: AshgatePublishing, 2013, p. 310

[5] Шумилова В.В. Создание мифологемы дачи в поэзии конца XIX – начала XX века.
http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2921:-----xix---xx-&catid=113:-7&Itemid=192 (дата обращения 13.12.2013)

[6] Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Burlington, USA: AshgatePublishing, 2013.

[7] Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН, сер. Геогр. 2014, № 4, сс. 22-32.

[8] Cribier F. 300,000 résidences secondaires // Urbanisme. 1966. N° 96-7. P. 97-101.

[9] Cribier F. La grande migration d'été des citadins en France: essai d'une géographie de la récréation. Editions du C.N.R.S. Mémoires et Documents, N° hors série. 1969.

- [10] Bielckus C.L., Rogers A.E., Wibberley G.P. Second homes in England and Wales: A study of the distribution and use of rural properties taken over as second residences. London: Wye College School of Rural and Related Studies, 1972.
- [11] Coppock J.T., Duffield B.S. Recreation in the Countryside: A Spatial Analysis. London: Macmillan; N.Y.: St. Martin's Press, 1975
- [12] The Impact of Empty, Second and Holiday Homes on the Sustainability of Rural Communities: a Systematic Literature Review / Wallace A. et al. York: The University of York, 2005.
<http://www.york.ac.uk/media/chp/documents/2005/SecondHomes.pdf> ; Rapid Evidence Assessment of the Research Literature on the Purchase and Use of Second Homes / Oxley M. et al. Fareham: National Housing and Planning Advice Unit, 2008.
http://www.rurallaffordablehousing.org.uk/files/NHPAU_second%20homes.pdf
- [13] В одном обзоре названо еще 35 работ, о которых авторы знали, но которых не смогли получить.
- [14] Coppock J.T., Duffield B.S. Recreation in the Countryside: A Spatial Analysis. London: Macmillan; N.Y.: St. Martin's Press, 1975; Payne B.R., Gannon R.C., Irland L.C. The second-home recreation market in the northeast: a problem analysis of economic, social and environmental impacts. U.S. Dept. of the Interior, Bureau of Outdoor Recreation, Northeastern Forest Experiment Station. Radnor (Pa.), 1975.
- [15] Multiple Dwelling and Tourism / McIntyre N., Williams D., McHugh K. (eds.). Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006; Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground / Hall C. M., Muller D. K. (eds.). Clevedon, UK: Channel View Publications, 2004.
- [16] Hoogendoorn G. Second homes and local economic impacts in the South African post-productivist countryside. A dissertation for a PhD in Geography. Bloemfontein, University of the Free State, Faculty of Humanities, November 2010. – 206 p. <http://etd.uovs.ac.za/ETD-db/theses/available/etd-10192011-134815/unrestricted/HoogendoornG.pdf>
- [17] Хауке М.О. Пригородная зона большого города. М.: Гос. издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам. 1960.
- [18] Веденин Ю.А. и др. Формирование дачных поселков и садовых кооперативов на территории Московской агломерации // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1976. № 3. С. 72-79; Хромов Ю.Б. Планировочная организация зон отдыха в городах и групповых системах расселения. Л.: Стройиздат, 1976; Щитова Н.А. География рекреационных потребностей населения городов разного типа (на примере Ставропольского края) // Географические аспекты исследования рекреационных систем. М.: МФГО, 1979. С. 78-88.
- [19] Williams D. R., Kaltenborn B. P. Leisure places and modernity: The use and meaning of recreational cottages in Norway and the USA // Leisure/Tourism Geographies. Practices and geographical knowledge / Crouch D. (ed.). London – NY: Routledge, 1999. P. 214-230
- [20] Gessat E., Ortar N. Circuler entre ville et campagne. Evolution de l'usage des residences secondaires en France et en Russie // Nouvelles urbanites, nouvelles ruralites en Europe / Luginbuhl Y. (ed.). Bruxelles etc.: Peter Lang, 2007. P. 111-118
- [21] Кошелева К. Култ Мокки // STOP in Finland – Вся правда о Финляндии. No: 7 (89), 26.08.2009 <http://www.stopinfin.ru/archive/111/2097/> ; Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. London: Cornell University Press, 2003; Traven V. La Datcha en Russie de 1917 a nos jours. Paris: Sextant, 2005.

- [22] Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground / Hall C. M., Muller D. K. (eds.). Clevedon, UK: Channel View Publications, 2004; Multiple Dwelling and Tourism / McIntyre N., Williams D., McHugh K. (eds.). Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006; Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Berlington, USA: AshgatePublishing, 2013.
- [23] Second Home Tourism in Europe...
- [24] Nefedova T., Pallot J. The Multiplicity of Second Home Development in the Russian Federation: A Case of “Seasonal Suburbanisation” // Second Home Tourism in Europe. P.91-121.
- [25] Dijst M. et al. Second Homes in Germany and The Netherlands: ownership and travel impact explained // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2005. Vol 96. No 2. P. 139-152.
- [26] Скупку сельской недвижимости под дачи состоятельными горожанами англоязычные авторы называют деревенской джентрификацией (от gentry – мелкопоместные дворяне). Раньше так обозначали вторичное «облагораживание» городских кварталов, успевших побывать социальными и расовыми гетто.
- [27] Rapid Evidence Assessment of the Research Literature on the Purchase and Use of Second Homes / Oxley M. et al. Fareham: National Housing and Planning Advice Unit, 2008.
http://www.rurallaffordablehousing.org.uk/files/NHPAU_second%20homes.pdf
- [28] Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground / Hall C. M., Muller D. K. (eds.). Clevedon, UK: Channel View Publications, 2004.
- [29] English Housing Survey. Household report 2008–09 London: Department for Communities and Local Government Publications, 2010. p. 40-42
https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/6695/1750765.pdf
- [30] По данным источника их по 87-88 тыс. в каждой из названных стран. Другие оценки дают больше вообще и в частности (по 200 тысяч). Однако законы, введенные на континенте в связи с кризисом, так усложняют им условия, что прогнозируется спад и отток (Thousands of Brits with holiday homes in Spain and France may be banned from renting them out to tourists // Mail Online. 2014, January 19. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2523474/Brits-holiday-homes-Spain-France-banned-renting-tourists.html>).
- [31] Gallent N., Mace A., Tewdwr-Jones M. Second Homes: European Perspectives and UK Policies. Aldershot: Ashgate, 2005.
- [32] Housing Characteristics: 2010 from 2010 Census Briefs
<https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-07.pdf>
- [33] Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Berlington, USA: AshgatePublishing, 2013. p. 165, 252, 286
- [34] Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН, сер. Геогр. 2014, № 4, с. 22-32.
- [35] Обратная эволюция отмечается нечасто, в местностях вроде озерного края в Висконсине, сочетающих признаки ареалов первого и второго типа. Летние и зимние приюты для туристов, которые некогда содержали местные жители, позже заняли дачники из агломераций Миннеаполиса–Сент-Пола и Чикаго. На их владения уже приходится половина всего жилья (Williams., Kaltenborn, 1999).

[36]Housing Characteristics: 2010 from 2010 Census Briefs
<https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-07.pdf>